

Я пел о богах и пел о героях,
О звоне клинков и кровавых битвах;
Покуда сокол мой был со мною,
Мне клёкот его заменял молитвы.

«Королевна», Мельница

ПРОЛОГ

Великий лес 526 г. от Золотого Рассвета

Великий лес молчал. Он требовал жертвы.

Кто-то уже пытался пересечь границу. На плите лежал разрезанный петух, жужжали мухи, застыла кровь на холодном камне. Лес не принял жертву, не пропустил путника дальше каменной домовины. Следы на примятой траве вели обратно, прочь от владений Нави.

У Чернавы не было с собой ничего, но кровь чародея всегда была слаще мёда для навых духов.

В руке дрожал короткий нож — острый что игла.

Шумели кроны деревьев в вышине, и где-то над головой коротко пропела кукушка, вдруг замолкла, и вместе с ней весь лес замер в ожидании.

Наконец Чернава решилась, провела лезвием по смуглой коже, и горячая кровь потекла, зашептала голосом древних сил, запела, зашипела, коснувшись камня.

А лес всё молчал. Наблюдал, изучал. Он пробовал на вкус её кровь, познавал её душу, разум, её прошлое и будущее.

Чернава не замечала этого. Она выросла вдали от земель Нави. Она не понимала, о чём пел ветер в вышине, она не слышала, как звала вода в ручье, она не знала, как попросить духов о защите. Прежде она никого ни о чём не просила. Прежде она не признавала никакой другой силы, кроме своей.

Но пришли Охотники, уничтожили её дом, семью, друзей, и вот Чернава стоит у границы Великого леса, отдавая свою

кровь, обещая свою верность и чужую жизнь, если потребуется. Больше у неё ничего не осталось.

В ожидании Великий лес молчал.

Словно сумрак, в вечерний час к границе подбирались шорохи и шёпоты. Кто-то скрывался среди тёмных деревьев. Еле слышными были его шаги, и Чернава не сразу заметила, что за ней следят, а лишь тогда, когда ей это позволили.

Меж еловых ветвей мелькнуло девичье лицо и тут же исчезло, только зелёная лапа ели качнулась, подтверждая, что увиденное не показалось.

— Стой! — Чернава сорвалась с места, но не нашла никого за деревьями.

Раздался треск. Звуки разлетелись в разные стороны. Тишина разбилась, лес ожил и заголосил.

Незнакомка мелькала то слева среди сосен, то справа в зарослях кустарника, и Чернава бросалась каждый раз за ней в погоню и каждый раз никого не находила.

Дыхание сбилось, руки покрылись царапинами, нож выпал и потерялся безвозвратно в траве.

В хороводе заплясали сосны. Закружилась голова.

— Сюда, — позвал лес.

Чернава оглянулась, побежала на зов, споткнулась о корягу и упала. Она не успела подняться. Нечто навалилось сверху, вцепилось в плечи, вдавило в землю. И зарычало утробно. Дыхание его смердело гнилой плотью и прелой листвой.

В оцепенении, точно во сне, Чернава неожиданно ясно разглядела росу на траве, пожелтевшие еловые иголки и зелёный мягкий мох. Время замедлилось, утонуло в трясине. Страх сковал тело, помутился разум, а когда пальцы всё же начали вить заклятие, нечто надавило на спину, прильнуло к самому уху и громко выдохнуло. Ледяная дрожь пробежала по телу.

Чернава не смела пошевелиться и только слушала громкое дыхание и чувствовала, как острые когти больно впивались в плечи.

— Дитя-а-а, — прошипело существо по-змеиному. — Ж-живое дитя.

Где-то в вершинах елей загудел ветер, всполошив птиц, они заголосили испуганно, а ветер полетел дальше, разнося весть:

— Ди-и-итя-а-а... Ди-и-итя-а-а...

Духи Нави почуяли новую жизнь, что зародилась в Чернаве.

Она попробовала вырваться, но ещё сильнее впились в кожу когти.

— Не убеж-ж-жишь...

Чародейка вскрикнула, порыв ветра сорвался с пальцев, подкинул её. Чудище сорвалось со спины, отлетело в сторону. Чернава вскочила на ноги, обернулась и увидела перед собой девушку, бледную, как погребальный саван. Она была простоволоса и нага, прижималась грязным телом к земле и всем своим видом походила на дикого зверя, что готовился к прыжку.

Лесавка.

Зашевелились кусты, и на глаза Чернаве показалась вторая лесавка, одетая в порванную рубаху. Шла она, сгорбившись, припадала на руки, скалилась, обнажая острые зубы.

— Дитя, — вторила она остальным. — Ж-живое дитя.

Пальцы уже вили новое заклятие. Незаметно, осторожно Чернава попробовала коснуться разума лесавок, одурманить, подчинить их, но мёртвым девам оказались не страшны чары, которые убивали живых, и она отступила. Медленно, не зная даже, в какую сторону бежать, она начала пятиться назад, когда за спиной раздался шум.

Чернава обернулась, и мир вокруг побледнел. Она рухнула на землю как подкошенная. Видения менялись одно за другим, наслаивались, путались. Образы смешались. Стоял перед ней человек в звериных шкурах? Или медведь на задних лапах? Или вовсе высокое дерево колыхалось на ветру и не было в помине человека? Чернава зажмурилась от боли, взгляд прожигал её. Горели ярко золотые глаза, пронзали насквозь, и голос гулкий, как ветер, и скрипучий, как стон старых деревьев, спросил:

— Чего ты хочешь, чародейка?

Чернава с трудом разлепила губы и произнесла едва слышно:

— Силы и убежища. Разреши мне спрятаться в твоём лесу, мне больше некуда идти.

— Чем ты заплатишь, чародейка?

Чернава промолчала, а лесавки закружили вокруг:

– Дитя, ж-живое дитя...

Руки сами потянулись к плоскому животу. Это была ещё не жизнь, только искра, но духи леса почуяли её, узнали. Сказания не лгали, всё до последнего слова оказалось правдой. И всё случилось так, как задумала Чернава.

– Я заплачу любую цену, но хочу получить кое-что взамен. Сделку, Хозяин, заключи со мной сделку, – проговорила она, и голос вдруг сорвался от отчаяния.

Лес недолго думал.

– Оставайся, – разрешил Хозяин. – Покуда не родится дитя, оставайся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЁРЫШКО СОКОЛА

ГЛАВА 1

От панского дома
по травам, долинам
едет панич в шапке
с пером соколиным.

«Глубок»,
Карл Яромир Эрбен¹

Ратиславия, Златоборск
543 г. от Золотого Рассвета, месяц червень

— Во-о-ор!

В кибитке завизжала старуха.

Милош чуть не выронил ларец, споткнулся и задел ногой охранную сеть чар, она вспыхнула ярко, коротко, и ногу пронзила молния.

— Ку-урва...

Дальше он не смог бежать, прошёл всего несколько шагов, волоча непослушную ногу. Проклятие прошло глубоко, до самой кости. В глазах почернело.

Чары. Кто в фарадальском лагере мог наложить защитные чары на кибитку?

— Стой, вор!

Милош замер на месте. Вряд ли старуха хотела просто поговорить, но и бояться её вряд ли стоило. Медленно, осторожно он обернулся. Фарадалка стояла на ступеньках кибитки. Лицо её перекосило от бешенства.

— Верни ларец, — просипела она.

Неужели старуха и вправду надеялась его остановить?

¹ Перевод М. Зенкевича и М. Голодного.

— Ещё чего. Вы первые нас обокрали.

— Чтоб тебя!

Она выбросила скрюченную руку перед собой. Милош едва успел сообразить.

В него полетела молния.

Он отпрыгнул в сторону, упал на землю и подкатился под ближайшую кибитку.

Старуха закричала на фарадальском. Лагерь загудел как потревоженный улей. Со всех сторон слышались голоса, а старуха всё вопила, созывая народ.

Прижимая к груди ларец, Милош прополз в сторону. Старуха была ведьмой! Он мог догадаться. Он должен был догадаться, но совсем потерял голову от вина. Да если бы не вино, он вообще не полез бы грабить фарадалов!

Ежи был прав: Милош совсем ошалевший. Зачем он полез? Зачем?

Послышался топот. Стоило поспешить.

Вылез он с другой стороны кибитки. Там было безлюдно, но остальной лагерь уже проснулся. Милош ясно услышал голоса неподалёку.

Некоторое время он ковылял, как дряхлый старик, но с каждым шагом нога слушалась всё лучше, ступала твёрже, и наконец Милош смог побежать и бросился прочь из фарадальского лагеря. Каждый раз, когда он касался ступнёй земли, в ногу отдавало режущей болью, но страх оказался сильнее, он гнал его вперёд.

Больше никто не спал, никто не прятался.

Из кибиток выглядывали люди. Мужчины и женщины, молодые и старые. Почти каждый держал в руке оружие. Фарадалы всегда были готовы к драке.

Загорелись огни. Его заметили.

Краем глаза Милош увидел синюю вспышку. Он действовал не раздумывая — тело само приняло решение, — пригнулся чуть ли не до земли. И в следующий миг над головой полетела молния, ударила в кибитку впереди.

Снова старуха? Он обернулся и увидел здорового мужика с топором. Сколько в фарадальском лагере чародеев?

— Чтоб Навь тебя поглотила, — выдохнул Милош.

Он нырнул в темноту и наконец выбрался из лагеря.

Милош восемнадцать лет не видел других чародеев, кроме учителя, и в эту ночь на него напали сразу двое. Из груди вырвался смешок, и он не понял, над чем засмеялся. От огней и шума закружилась голова.

Осторожно он выглянул из кустов. Милош огляделся, пытаясь сообразить, где оказался и в какой стороне находилась дорога. Из загоревшейся кибитки выбежала женщина, вытолкала детей и стала кидать им вещи, спасая от пожара. Дети голосили, рыдая от страха.

Из темноты, будто с неба, мигал ночными огнями Златоборск. Дорога от Восточных ворот города вела к тракту, там Милош договорился встретиться с Ежи.

Снова перевернулось сердце в груди. Кожей и кровью он почувствовал, как к нему устремилась смерть. Милош взмахнул рукой, выставил щит. Воздух задрожал, отразил удар. Молния отскочила, попав в другую кибитку, и та вспыхнула в одно мгновение. Наружу с воплем выпрыгнул мужчина, одежда его занялась огнём, и фарадал закрутился по земле, пытаясь сбить пламя.

Милош сорвался с места. Одной рукой он прижимал к груди деревянный ларец, а второй безостановочно плёл заклятие, надеясь сбить преследователей со следа.

Он уже не чувствовал боли в ноге, будто и не было сети проклятия. Выбежал прочь из лагеря, нырнул к избам в посаде, сворачивая с главной улицы, и, петляя, добрался до безлюдной дороги, ведущей из Златоборска к восточному бору.

Оглушённый собственным дыханием, он бежал, задыхался. В боку кололо, но Милош не мог остановиться. Позади шумел фарадальский лагерь, пахло дымом. Вдруг в столице ударил колокол. Пронзительный звон его разнёсся над посадом и полями вокруг, догнал Милоша на дороге и пролетел дальше. И ему вторили десятки других колоколов по всему Златоборску. Город проснулся, встревоженный пожаром под своими стенами.

Грохот подгонял Милоша вперёд. Он должен был уйти с дороги, укрыться за деревьями. Но когда до бора осталось всего ничего, топот коней разорвал тишину.

По дороге мчались два всадника. Милош побежал со всех ног, ещё отчаяннее, ещё быстрее, но всё равно не успел до-

стичь деревьев. Хлёткий удар сбил его с ног. Копыта лошади, разрывая землю, отбили дробь совсем рядом с головой.

Всадник ловко спешился, подскочил к нему и только нагнулся, чтобы схватить Милоша за шиворот, как он перевернулся на спину, вцепился рукой фарадалу в лицо. Тот завопил, упал на спину и заревел в ужасе. На лице багровел ожог от ладони, глаза обуглились, рассыпались золой. Ослепший, он закрутился на месте, завопил, проклиная и моля.

Но оставался ещё второй. В прыжке он соскочил с лошади и в мгновение оказался рядом. Его хлыст ударил по груди Милоша, вырвав пронзительный крик. Фарадал вновь замахнулся, но не успел ударить. Милош соединил пальцы, развёл в стороны руки, будто держа невидимую нить. Он бросил её на фарадала, тот обмер с застывшим в воздухе хлыстом и камнем грохнулся на землю. Ужом он закрутился, захрипел, пытаясь стянуть удавку.

У Милоша с трудом получилось встать на ноги, ещё сложнее получилось пойти. Ларец лежал на земле рядом с фарадалом. Он всё пытался стянуть невидимую петлю с шеи, лицо его посинело, ноги били по земле. Другой, что был с обожжённым лицом, пытался подняться. Эти двое вряд ли были чародеями, иначе смогли бы разорвать заклятие.

Милош отвернулся, поднял ларец, перехватил покрепче и направился в сторону бора.

Страх погони прошёл, и боль в ноге стала сильнее прежнего.

От использованных заклятий закружилась голова. Через несколько шагов Милош упал у корней дерева и долго пролежал, уткнувшись лицом в землю. Он дышал тяжело, лёгкие его горели, словно сожжённые изнутри. Колдовать, используя только собственные силы, всегда выходило непросто.

Он не сразу расслышал знакомый голос:

– Милош?

– Я, – выдал он тяжело.

Ежи подошёл ближе, оглянулся пугливо на фарадалов. Один из них больше не шевелился. Другой смог сесть на коня, обхватил руками его шею, но, кажется, лежал без чувств.

– Ты в порядке? – спросил Ежи.

– Вроде. Ты всё взял?

— Да, — слуга помог ему подняться, подставил плечо и дальше почти потащил на себе. Милош едва передвигал ногами, но шёл упрямо дальше, прижимая к груди ларец.

— Пойдём подальше отсюда.

— А эти? — Ежи оглянулся на фарадалов.

— Эти всё. Если поспешим, то остальные не догонят.

Они удалились в глубь бора, опасаясь погони. Было темно, и Милошу пришлось достать из сумы хрусталь. Тот загорелся в его руке холодным синеватым светом, освещая путь. Сил хрусталь забирал совсем немного, но после всех заклятий и это давалось нелегко.

Ежи нёс их сумы и придерживал самого Милоша.

— Мы в беде, — проговорил он тревожно. — Я же просил тебя не лезть к фарадалам. Нельзя с ними связываться. Они же разбойники, их даже в Рдзению не пускают.

— Они сами не суются в Рдзению, — прохрипел Милош. — Они чародеи.

— Чародеи? — Ежи застыл на месте, уставился на него во все глаза. Свет хрусталя сделал его лицо мертвенно-бледным. — Чародеи? — повторил он изумлённо. — Нам конец. Они убьют нас. Убьют.

Милош не знал, как его успокоить. Он и правда не ожидал, что всё выйдёт настолько неудачно. Все знали, что фарадалы нечестные люди. Если они проходили мимо деревни, то в стадах селян пропадала скотина, если появлялись в городе, то купцы теряли товар и деньги. Фарадалы обманывали легковерных и обкрадывали невнимательных. Но чтобы они были чародеями? Если бы Милош знал, то вряд ли осмелился ограбить их старейшину. Но вечером, когда они гуляли в лагере вместе с остальными горожанами, он не заметил в лагере колдунов.

И поплатился за свою невнимательность. Ногу сводило от каждого шага.

Когда они ушли достаточно далеко от дороги, Милош наконец решился остановиться на отдых. Он сел прямо на голую землю.

— Будешь пить? — услужливо предложил Ежи.

Милош не слушал его. Он скинул сапог с левой ноги, закатал штанину и посветил на кожу хрусталём.

— Что такое? — Ежи присел рядом, присматриваясь.

Проклятие железом отдавало на языке. Милош чувствовал его в жилах и костях. Пока он шёл, то представлял, как всю ногу покрыли язвы, но на коже осталось только небольшое чёрное пятно.

– Мне удивительнейшим образом повезло, – хмуро сказал он.

– Что это?

– Фарадальское проклятие.

– И в чём же тебе повезло?

– Я не умер на месте. А мог бы.

– Ты же сможешь его снять? – с надеждой спросил Ежи.

Милош ответил не сразу. Пальцы его крепко сжимали хрусталь, а ногу сводила судорога. Он прикусил губу, чтобы не застонать.

– Не уверен. Не знаю.

Ежи вздохнул тяжело, сел рядом прямо на землю.

– А я говорил, говорил, – ворчливо начал он. – Не стоило соваться в Златоборск, а уж тем более в фарадальский лагерь. Они же известные разбойники...

– Они украли у тебя кошель. Я должен был отомстить, – Милош нашёл в суме с вещами платок и обвязал чёрное пятно на ноге.

– Ты просто хотел получить это их фарадальское чудо, – возразил Ежи. – Какой же ты беспечный болван.

– А ты зануда, – лениво огрызнулся Милош. Спорить не хотелось. Да и были вещи поважнее.

Оба посмотрели на ларец, стоявший на земле.

– И что там?

– Не знаю, не успел посмотреть, – признался Милош. Он прищурился и даже сквозь деревянный ларец увидел яркий колдовской огонь.

– Надеюсь, что-нибудь стоящее, иначе совсем обидно.

Ещё вечером, когда они пришли к фарадальскому табору, у Милоша и в мыслях не было грабить вольных детей. Вместе с Ежи они жадно разглядывали кибитки и их хозяев в разноцветных одеждах – всё было для них в новинку. Ни Милош, ни Ежи прежде ни разу не видели фарадалов, в Совин и Рдзению их не пускали Охотники. Но даже в Совине рассказывали, что все фарадалы славные танцоры и певцы, а ещё убийцы и колдуны.

Милош не замышлял зла. Он весь вечер провёл с молоденькими девушками, такими смуглыми, лёгкими, гибкими, что голова шла кругом от их прелести. Фарадалки оголяли плечи и в танце высоко задирали юбки. Ничего не укрывалось от глаз. Милош опьянел от их красоты и от вина. Голова его кружилась, а сердце пело. А потом появился Ежи и, чуть не плача, пожаловался, что его кошель срезали где-то в толпе. С пальцев Милоша тоже пропало одно из колец. Слава Создателю, изумрудную серьгу из уха фарадалки вытащить не смогли.

Затихло гулянье в лагере, и народ начал расходиться. Милош и Ежи тоже ушли, почти вернулись на постоянный двор, но Милош не мог успокоиться. Его обвели жалкие бродяги, безродные и бездомные. Обвели, как последнего дурака. Хмель распалил его ярость, заглушил разум. И он решил вернуться, проверить старые сказки, будто каждый фарадальский табор хранил некое сокровище невероятной чародейской силы. Милош убедил себя, что это чудо могло оказаться ценнее, чем источник Великого леса. Мало он верил, что затея его увенчается успехом, скорее хотел проучить вольных детей. Но ларец с фарадальским чудом существовал на самом деле. Милош ощущал его силу, видел, как в темноте расплавленным золотом горели чары.

— Откроем? — предложил Ежи, поглядывая на деревянный ларец и придвигаясь ближе.

Милош молча кивнул. Неожиданно для самого себя он разволновался, осторожно приподнял крышку, и ночную тишину взорвал оглушительный шум. Десятки, сотни голосов закричали, запели, из ларца ударил яркий свет, будто внутри горел костёр. Птицы сорвались с деревьев. Ночь пронзило солнце.

Милош захлопнул крышку, и тьма снова накрыла бор. Но птицы продолжили кричать пронзительно, кружа над деревьями.

Если фарадалы были рядом, то не могли их не услышать.

— Создатель! Что это такое было? — воскликнул Ежи.

— Потом разберёмся. Идём, быстрее, идём, — велел Милош и сам рывком поднялся.

Ногу снова свело от боли, и он зашипел, сдерживая крик.

Ежи подхватил с земли их сумы, закинул в свой мешок ларец и быстро пошёл следом.

– Фарадалы убьют нас из-за этой штуки. Точно убьют.
– Тише, – прошипел Милош, но ночной лес и без того был полон криков.

В одном Ежи был прав: фарадалы не оставят их в покое. Что бы они ни нашли, это было ценно. Может, почти так же ценно, как тайны, что хранил Великий лес.

Ратиславия, Златоборск

Солнце пробило сумрак на горизонте, и стало видно, что над деревьями поднимался дым. Сердце сжалось. Вячко пришпорил коня.

– Поторопимся! – выкрикнул он через плечо.

Топот копыт разнёсся по бору. Дюжина всадников пронеслась по дороге в тени деревьев и вырвалась на тракт. Оттуда было видно всю столицу. Златоборск возвышался над посадом, отливал в этот час золотом и медью. От нижнего его вала, там, где уже закончились дома горожан, шёл дым. Горел лагерь.

– Фарадалы, – Стрела выдохнул, криво улыбаясь. – Главное, что не город.

– От одной искры и столица может вспыхнуть, – мрачно произнёс Деян.

Вячко натянул поводья.

Даже от тракта он мог разглядеть княжских людей, что тушили пожар, помогли фарадалам оттащить в стороны ещё целые кибитки, разгоняли людей подальше от огня. Дым шёл чёрно-серый, рваный. Пламя затухало.

– Надеюсь, князь хотя бы после этого запретит им останавливаться так близко к городам, – сказал Стрела.

Вячко был с ним согласен, но промолчал. На перекрёстке он задержался. Ему показалось, что в лагере он заметил Горяя. Как бы сильно Вячко ни тянуло домой, стоило самому разузнать о пожаре. Князь бы это оценил.

– Поезжайте одни, – велел он дружинникам. – Я сначала загляну в лагерь.

Стрела скривился:

– Да на что там смотреть? На этих конокрадов?

– Поезжай, – устало повторил Вячко. Он сам с трудом держался в седле.

Остальные товарищи махнули ему рукой, распрощались и направили коней по дороге к воротам. Стрела остался.

— Куда ты без меня?

Лагерь почти целиком был разрушен огнём. Кто-то погиб. Фарадалы выли над мёртвыми людьми и над утерянным добром с одинаковым горем. Они заламывали руки, ругали дружинников и холопов, которые помогали тушить пожар, и рыдали так громко, что хотелось заткнуть уши.

Между сгоревшими кибитками прохаживался худощавый мужчина в дорогом кафтане, теребил короткую светлую бороду, касался земли то тут, то там, бормотал что-то себе под нос. Фарадалы наблюдали за ним с неодобрением. Вячко услышал, как одна старуха обругала его последними словами, но Горяй только отмахнулся от неё как от назойливой мухи, и тогда старуха попыталась ударить его клюкой.

— Отойди от княжеского целителя, — велел Вячко.

Он направил коня между ними так, чтобы оградить Горяя от фарадалки. Старуха стрельнула на него злыми чёрными глазами, плюнула под ноги и развернулась. Стрела проводил её взглядом, полным досады.

— Я смотрю, фарадалы очень хотят отдохнуть в порубе. Совсем страх потеряли.

— Она не знает, кто я.

— Ты человек князя, а этого уже достаточно, чтобы уважать тебя.

Вячко не стал спорить. Будь он в дурном настроении, так тоже взъялся бы на старуху, может, даже пригрозил ей, но от усталости хотелось только поскорее закончить с делами и вернуться домой.

— Да озарит Создатель твой путь, княжич, — приветствовал его Горяй.

— Да не опалит он тебя, — ответил Вячко. — Что ты здесь делаешь?

Горяй огляделся, не желая, чтобы чужие уши его услышали, и подошёл ближе. Вячко спешился.

— Незадолго до рассвета у фарадалов начался пожар. Дозорные всё видели со стены. Они клянутся, что повсюду летали молнии и огонь. Говорят, что это были чародеи, якобы они подрались между собой.

— Чтоб их леший побрал, — Вячко провёл рукой по кудрям, собираясь с мыслями. Сонливость растаяла вместе с утренним туманом. — Если пойдут разговоры про чародеев в столице, то беды не миновать. Ты что скажешь? Они здесь были?

— Я чувствую следы заклятий, — вид Горяя был озабоченным. — Многие из них чародеи, да-да, — взгляд его помутнел. — Но раньше они были тихи. Вольные дети осторожны, когда дело касается заклятий. Дело не в них.

— А в ком?

Горяй пожал плечами.

— В ком-то? М-м-м? — Он посмотрел поверх плеча Вячко куда-то в сторону, зрачки его расширились.

Разговаривать с ним стало бесполезно. Вячко давно уяснил, что когда Горяй начинал бормотать что-то тихо, а глаза его становились мечтательными и пустыми, то стоило оставить его в покое. Чародей князя всегда был странным человеком, может, оттого, что разум его пострадал от чар, а может, потому, что он потерял всю семью много зим назад.

— Увидимся, Горяй. Спасибо тебе.

Чародей его уже не слушал. Он присел на корточки и коснулся пальцами земли, замер, прислушался, точно следы на дороге о чём-то ему шептали.

Вячко и Стрела повели коней за поводья дальше по лагерю.

— Если пойдут слухи о чародеях под стенами Златоборска, Орден потребует пропустить Охотников в Ратиславию, — рассудил княжич. — Им нельзя здесь оставаться. Эй, добрый человек, — он остановил первого, кто им повстречался. — Кто ваша телепта?

Старейшина табора нашлась на ступенях своей кибитки посреди лагеря. Она сидела, раскуривая трубку, и, кажется, единственная во всём лагере оставалась спокойна, только чёрные глаза её горели словно два уголька. Враждебно и мрачно она оглядела Вячко с головы до ног.

— Ты кто такой?

— Вячеслав, сын Великого князя Мстислава. А ты?

— Люди кличут меня старой Годявир, — ответила телепта. — Я думала, князь сыновья богаче одеваются, — хмыкнула она. — Что тебе нужно, княжий сын?

— Мне нужен мир. Ты знаешь законы этой земли, — он говорил спокойно и устало, почти не задетый неприкрытой враждебностью. — В Ратиславии запрещено чародейство.

— Раз запрещено, то почему твой князь держит при себе чародея? Я увидела в нём силу.

Вячко вздохнул, собираясь с мыслями. От запаха гари и человеческих стонов разболелась голова.

— Ты знаешь, как всё непросто на этом свете, Годявир. Если мы не прогоним вас за колдовство, то скоро сюда придут Охотники, и тогда ты и твои люди будете гореть в своих кибитках заживо. Ни ты, ни я этого не желаем.

Годявир молчала, посасывая трубку. Медленно она вдохнула и выпустила изо рта вонючий дым.

— Мы не можем уйти сейчас. Мой табор всегда приходит к Златоборску незадолго до ночи Купалы и уходит перед первыми осенинами к Приморску.

— Тогда уходи к Приморску сейчас, — пожал плечами Вячко.

— Сейчас никому туда нельзя, я видела в рисунке крови на воде знаки, — Годявир потрясла трубкой. — Тревожные знаки. Нельзя на восток, нельзя на юг. Никому нельзя.

— Там Охотники тебя не найдут.

— Что мне до Охотников? — хмыкнула Годявир, её седые волосы растрепались, на тёмном лице стало ещё больше морщин, когда она нахмурилась.

Вячко посмотрел на неё с недовольством и некоторым любопытством, но промолчал, только покачал головой.

— Куда хочешь, лишь бы подальше от столицы, — предупредил он.

Кажется, телепта сама уже поняла, что бесполезно было упрямиться и спорить с княжичем.

— Сколько дней ты нам дашь? — спросила она.

— Три, думаю, хватит.

Вячко уже собрался сесть на коня, но задержался.

— Скажи, кто устроил пожар ночью? Один из ваших?

— Если бы из наших, так я бы лично выдрала ему сердце, — Годявир плюнула со злостью. — Рдзенец. Танцевал с нашими девушками, пил наше пиво и вино, пел наши песни, а ночью прокрался, как мышь в амбар, и обокрал нас.

— Что он украл?

— Кое-что ценное, — неохотно ответила Годявир. — Но не для тебя, ты не фарадал.

Больше телепта не хотела ничего говорить, и Вячко решил, что узнал достаточно. Они со Стрелой сели на коней.

Дорога вела вверх от посада к городу. Кони пронеслись, как на крыльях, ветер ударил в лицо всадникам, растрепал кудри княжича. Столица уже пробуждалась, и люди наводняли улицы. Молодая лоточница заметила Вячко и Стрелу.

— Эй, красавцы, купите хлеб! Горячий хлеб!

Они не остановились, и голос её утонул в щебете городских торговцев.

— Горячий хлеб!

— Кожаные поршни за три медяка! За три медяка кожаные поршни!

— Мазь от вшей! Мазь от вшей!

Кони несли их мимо чужих дворов и площадей до самого княжеского двора. Навстречу выбежали конюх с холопами.

После шумных улиц двор показался разительным тихим. Тянуло хлебом и жареным мясом из кухонной избы. Пел петух на заднем дворе, да мальчишки-холопы негромко переговаривались между собой.

Вячко спешил, обтёр пыльное лицо ладонью и вдруг улыбнулся, заметив движение в приоткрытом окне. Неосознанно он поправил рубаху и пояс, взмахнул головой, откидывая рыжие пряди со лба. Девушка в окне уже скрылась.

— Вячеслав, наконец-то! — воскликнул с крыльца Горыня.

Княжич приветственно махнул воеводе рукой и отдал поводья коня подбежавшему мальчишке-конюху. Тот не совладал с любопытством и спросил:

— Что, разбойников ловили?

— Ловили, — устало произнёс Вячко.

Юркий Стрела тут же оказался рядом и добавил:

— Ловить-то ловили, да тати пошли что тараканы.

— Рыжие? — Мальчишка склонил голову набок, видимо, припомнив историю о рыжем одноглазом разбойнике, что жил на вершине древнего дуба и метко плевался желудями прямо в темечко проезжавшим всадникам, отчего те падали замертво на землю. И у каждого разбойник вырывал левый глаз, пытаясь найти замену своему.

— Да нет, не рыжие, — хохотнул Стрела. — Убегают быстро словно тараканы. Только нас завидят и все в разные стороны, поди лови.

Вячко покачал головой:

— Да ты, смотрю, совсем не устал. Может, обратно в дозор?

Дружинник поморщился:

— Княжич, не щадишь совсем. С меня три пота сошло от усердия, после такого седмицу лежмя лежать буду.

— Ну-ну, вечером увидимся тогда.

— Вячеслав! — нетерпеливо прикрикнули с крыльца.

— Эх разбушевался, — хмыкнул Вячко. — Давай, малец, пойду. Хочешь истории послушать, так расспроси Стрелу. Он всегда горазд языком потрепать.

Горыня дожидался на крыльце. Несмотря на то что несколько седмиц он не видел племянника, радостным воевода не выглядел.

— Не докричишься тебя. Оглох? — ворчливо спросил он.

Вячко хотел ответить в шутку, укорить дядьку за холодное приветствие, но вдруг подумал, что только серьёзное дело могло сделать его столь мрачным с раннего утра.

— Что стряслось?

— Князь ждёт. Я уже хотел послать за тобой, — он всё же обнял Вячеслава, и тот вновь почувствовал себя малым ребёнком в огромных медвежьих объятиях своего дядьки. Горыня был выше и сильнее любого в дружине. Не зря говорили, что род он вёл от славного богатыря Яромира, который поборол крылатого змея, разорвав его пасть голыми руками.

В сенях было темно, слуги ещё не успели распахнуть ставни, и вдруг свет мелькнул вдалеке. Вячко пригляделся. Добрава открыла окно на другом конце длинных сеней. Солнце вырвало из сумрака её глаза, улыбку, заиграло в камнях на височных кольцах. Девушка показалась ненастоящей, словно сотканной из звёздной пыли. Княжич застыл, заглядевшись на неё.

— Пошли, — поторопил сердито Горыня, схватил Вячко за предплечье и потянул вверх по лестнице.

Они поднялись в терем. Стены там были украшены искусной резьбой и пахло сладко деревом и смолой. В тепле, укрывшись от ветра и утренней прохлады, Вячко снова почувствовал усталость. Он зевнул широко, прикрывая рот. Дядька бросил на него мрачный взгляд.

— Ты завязывай с этой девкой, — проговорил он.

Вячеслав остановился.

— Не говори о ней так.

— Я бы говорил иначе, да тебе пора уже позабыть про молодецкие шалости. Умер посадник в Новисаде, Великий князь может отправить тебя на его место. А если прогневаешь его, тебе останется какой-нибудь Лисецк.

— И что с того?

— Жена тебе нужна хорошая, боярского роду. Если повежёт, то посватаешься к дочке ярла Ульрика.

Вячко нахмурился:

— Я сам незнатного роду, отец может разрешить мне...

— Ты княжич, — оборвал его Горыня. — А княжичи не женятся на дворовых девках. В полюбовницы берут, но не в жёны.

— Она вольная. А в услужении ходит, потому что я попросил Мирославу её взять, чтобы училась всякому...

Что бы он ни сказал, дядька бы его не услышал. Это был старый спор, и они повторяли слова, сказанные уже не раз.

— Безродная девка тебе не ровня.

— Отец же признал меня законным сыном...

Горыня оглянулся на гридней у двери в княжеские палаты.

— Другие сейчас времена, Вячеслав, — сказал он тише. — И Ратиславии нужна дружба северян. Так что лучше сейчас скажи всё Добраве, чтобы потом меньше бабьих слёз было. Она молодая, ладная, хорошего жениха себе найдёт. Ты, опять же, можешь ей в благодарность богатое приданое дать...

— Замолчи, — вырвалось раньше, чем Вячко успел подумать. — Не желаю больше слышать подобных разговоров.

Горыня только покачал головой:

— Твой отец таким же был по молодости. И где теперь твоя мать?

Распахнулась дверь в княжеский чертог, и оттуда вышел Горяй. Пока Вячко тратил время на телепту и сказки для конюших мальчишек, чародей успел посетить князя. Горяй прошёл мимо, кажется, вовсе их не заметив. От любого другого это стоило воспринимать как оскорбление, но чародей часто не видел ничего дальше собственного носа.

Гридни расступились, пропуская княжича с воеводой. Вячко зашёл первым.

Великий князь Мстислав изучал развёрнутую перед ним карту. Медленно он поднял голову, устало посмотрел на сына, и в светлых глазах промелькнуло облегчение.

— Рад видеть тебя во здравии, — произнёс он. — Да озарит Создатель твой путь.

— Да не опалит он тебя, — Вячко слегка поклонился, подошёл ближе, чтобы обнять отца.

Вячеслав был младшим из троих сыновей, и все давно привыкли к некоторой его простоте, как и смирились с неблагородной кровью. Конечно, бояре шептались, а боярские дочери считали Вячко неравным себе, но Великий князь признал байстрюка от служанки родным, назвал княжичем, и никто не посмел возразить. Империя и её законы были далеко. В Ратиславии среди густых непроходимых лесов, полноводных рек и диких зверей сохранялись пока свои порядки, и златоборский князь правил так, как того желал.

Вячко отпил воды прямо из кувшина и присел на лавку у стены, вытянул устало длинные ноги.

— Горыня сказал, что ты хотел меня немедленно видеть. Что-то случилось? — спросил он.

Отец прошёлся вдоль стены.

— Пока тебя не было, один рдзенец ограбил фарадалов, стоящих лагерем у города.

Вячко чуть выпрямил спину.

— Я посетил их лагерь, поговорил с телептой и Горяем. Он утверждает, что фарадалы колдовали. А телепте я велел уезжать из города через три дня. Я давно говорил, что не стоит пускать этих людей в наши земли. Мне не раз докладывали, что в деревнях пропадали дети там, где проходили фарадалы.

— Не в этом дело, Вячко, — вздохнул князь. — Тот рдзенский вор, кажется, был чародеем.

Вячеслав понимающе кивнул. Горяй был безумцем, но не дураком. Он знал своё дело.

— Что ж, значит, не всех чародеев извели на рдзенской земле, кто-то остался, — пробормотал Горыня.

В дверь постучали, пришли гридни, что были на пожаре. Князь пригласил их войти.

— Пока можешь привести себя в порядок, Вячко, — сказал он. — Подожди меня в горнице. Горыня, ты останься.

Куда больше княжич хотел бы уйти к себе и лечь спать, но противиться указам отца не смел. Он прошёл в соседнюю горницу. Хлоп принёс ему воды для умывания и быстро накрыл завтрак на стол. Вячко сел на лавку, облокотившись локтями на стол, заглянул в горшок, понюхал пшённую кашу, съел ложку мёда и понял, что совсем не голоден. Зато со сном бороться становилось всё сложнее, и юноша решил, что только прикроет глаза на пару мгновений, положил голову на руки и почти заснул, когда вдруг приоткрылась дверь.

В горницу через ход для слуг заглянула Добрава. Она улыбнулась, приложила палец к губам и тихо, крадучись, подошла к столу, села на лавку рядом, прильнула. Вячко сгрёб её в объятия, уткнулся носом в волосы, вдыхая запахи.

— Я быстро, чтобы никто не заметил, — Добрава погладила его по плечам, коснулась лица. — Какой ты чумазый, — она фыркнула будто брезгливо и поцеловала его в губы. Вячко обхватил девушку крепче. — Эй, испачкаешь меня.

Она выскользнула из его рук, встала по другую сторону стола, и Вячко протянул руку, пытаясь дотянуться.

— Я скучал.

— Я тоже, — она сжала его ладонь. — Надеюсь, теперь ты ко мне надолго.

Пальцем другой руки она макнула в мёд, слизала лакомство.

— Так ты надолго?

— Не знаю. Отец, — Вячко покосился на дверь, за которой скрывались покои князя. — Отец хочет поговорить со мной о чём-то. Он скоро придёт.

Медленно Добрава высвободила руку.

— Не дай Создатель он нас заметит, да?

Лицо её переменилось неуловимо, глаза покрылись инеем.

— Я не это имел в виду.

— Разве? Ты же боишься, что он узнает.

— Неправда!

— Да? Тогда почему никому не говоришь о нас? Почему мы скрываемся, точно тати? Может, потому что ты княжич, а я простая девка?

Вячко сжал зубы, проговорил едва слышно:

— Не говори так.

— Не говорить что? Правду?

Она развернулась, длинная коса подпрыгнула, точно хвост у кошки.

— Добрава! — Он воскликнул слишком громко, в дверях тут же возник встревоженный холоп.

Девушка прошла мимо и скрылась в тёмном проходе.

— Уйди, — расстроено велел Вячко холопу и опустил голову на стол. Он лгал, а она была права. Как всегда.

Ратиславия, Златоборское княжество

Ежи потёр глаза, плетясь следом за Милошем. Они долго шли по дороге, всё это время он видел перед собой спину друга, и только когда Милош остановился на берегу реки и обернулся, то Ежи заметил, как он был бледен.

— Ты в порядке?

— Бывало хуже, особенно после того курева, что достал Часлав у бидьярцев.

Под глазами у Милоша залегли глубокие тени. Они оба почти не спали в ту ночь, опасаясь погони, и только перед самым рассветом осмелились остановиться и вздремнуть. Но даже лучины не прошло, когда Милош поднялся и решил идти дальше.

Наконец они оказались у дороги, что пролежала вдоль Звени. Узкая речушка петляла в полях, убегала далеко вперёд и сверкала в лучах рассветного солнца. При утреннем свете быстро позабылись и страх перед острыми клинками фарадалов, и страшное проклятие. Все мысли были только об отдыхе. Ежи не мог перестать зевать, ноги его заплетались.

— Хотя, знаешь, — тихо проговорил Милош, — всё же хуже мне никогда не бывало.

Он долго стоял на одном месте и тяжело дышал.

— Давай к воде сначала спустимся, — решил наконец он. — Мне нужны силы.

Ежи остановился на покато́м берегу, шурясь на солнце. Глаза болели от недосыпа, но дышалось легко, сладко. Вдали от поселений совсем не пахло ни зловониями, ни навозом. В роще пели птицы. Вокруг не было ни души. Почти не верилось, что фарадалы могли найти их в таком спокойном месте. Хотелось прилечь на мягкой траве и заснуть крепким сном.

Милош не стал медлить и спустился к реке. Дорогие сапоги он скинул в траву, чтобы те не запылились. На песчаном берегу бросил суму на землю, стянул рубаху и штаны, сложил поверх сумы и с фырканьем вошёл в холодную воду.

Ежи оставил свой мешок рядом с хозяйским и присел на траву. Вещей в дорогу они взяли мало. Милош поначалу ворчал, что он не может отправиться в путь, если с собой у него всего три сменных наряда, но идти нужно было быстро, чтобы к зиме успеть возвратиться назад, и он в конце концов сдался. Правда, сум у них всё равно было не две, а три. Третью они носили по очереди.

Ежи подскочил на месте. Третья сума! Когда Милош вернулся в фарадальский лагерь, Ежи должен был забрать их вещи с постоялого двора и ждаты в бору за городом. Он взял две сумы. Две, а их должно было быть три. Он скорее открыл свою суму, проверил содержимое, заглянул внутрь второй.

Всё было не так плохо: сменная одежда, деньги и мыло с гребешком. Значит, в столице они оставили наряд Милоша, вышитый серебряной нитью, и запасные сапоги, то есть вещи в дороге бесполезные. Конечно, узнай Милош, что его платье, стоившее как добрый конь, потеряно, он бы рассердился, но Ежи понадеялся, что он вообще об этом не вспомнит. Да и были у них беды посерьёзнее.

Ежи с опаской обернулся на дорогу. Уже больше седмицы они находились на землях Ратиславии. Постоянно он ловил на себе косые взгляды, слышал злое перешёптывание за спиной. Всё, чем он отличался от местных, так это родовыми знаками на одежде и мягким говором, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя чужаком. Ему не терпелось вернуться обратно в Совин, где не было ни ратиславцев, ни фарадалов, ни других чародеев, кроме Милоша и Стжежимира, зато была надёжная стена вокруг города, привычная стряпня матери и крыша над головой.

Милош вскоре вышел на берег. Речная вода вернула ему силы. Раскрасневшийся, сбросивший всякую утреннюю сонливость, он весело прокричал:

— Ежи, полотенце!

Он вскочил с земли, прихватив полотенце и необходимые для бритья принадлежности, и поспешил к господину.

— Искупался бы, — сверкая белыми зубами, посоветовал Милош. — Я себя другим человеком почувствовал.

Ежи недовольно поглядел на неторопливые воды реки и поморщился:

— Рано ещё, она же ледяная.

— Зануда, — усмехнулся Милош. — Давай начинай.

Ежи не обижался на приказной тон Милоша. Хотя и выросли они вместе, а всё же лежала между ними огромная пропасть. Милоша взял к себе в обучение королевский целитель, а Ежи был сыном кухарки, которая служила в доме. И доля у них была разная: слуги и его господина.

После купания Милош взбодрился, краски вернулись его лицу, и Ежи стало казаться, что проклятие его вовсе не беспокоило, а может, и совсем прошло.

— Как нога? — осторожно спросил Ежи.

Милош пожал плечами, откинув голову назад. Изумрудная серьга в левом ухе сверкала на солнце, переливаясь зелёным.

— Пока не болит.

— Ты смотрел? Пятно растёт?

Милош только поморщился недовольно.

— Вода помогла на время. Будет хуже — ещё откуда-нибудь потяну силу. Главное — дотянуть до Великого леса, а уж там наверняка найду средство посильнее.

— Давай всё же посмотрим, как нога, — упрямо попросил Ежи.

— Что на неё смотреть? — разозлился Милош. — Из нас двоих на целителя учился я, и я тебе точно говорю: ни одно лекарство это проклятие не снимет. Это заклятие, и я понятия не имею, как от него избавиться. Но в Великом лесу что-то должно быть. Что-то обязательно осталось от Златы. Если я смогу туда попасть, то всё пойму. Стжежимир научил меня, что искать.

— А что нужно искать? — Ежи перестал дышать. Они шли уже больше седмицы, преодолели много вёрст, а он до сих пор не знал, зачем Стжежимир послал их в Великий лес.

Милош провёл пятернёй по светлым волосам, взъерошив непослушные пряди.

— Всё тебе расскажи, — весело усмехнулся он.

Ежи хотел обидеться, но не получилось. Он был всего лишь слугой Милоша, тот имел право хранить тайны, особенно если они касались чародейских дел.

— А что с фарадальским чудом? Что это такое?

Ларец они больше не открывали и даже не вынимали из сумы. Крик и яркий свет могли привлечь внимание не только фарадалов, но и княжеского дозора или разбойников.

Милош прищурился, глядя на солнце.

— Без понятия, что с фарадальским чудом, Ежи. Покажу его Стжежимиру, он может знать больше, но это точно что-то ценное. Я чувствую его силу, такое сложно объяснить.

Он помолчал.

— Слишком много тайн для тебя, а, Ежи?.. Знаешь, я подумал, что сегодня хочу надеть серое платье с серебряной вышивкой. Доставай.

Под ложечкой у Ежи засосало.

— Понимаешь, тут такое дело...

Ратиславия, Златоборск

Вячко проснулся оттого, что кто-то был рядом. Вскинул голову и увидел отца. Напротив за стол присел Горыня.

— Устал? — понимающе улыбнулся князь, на что Вячко смог только кивнуть. Отец хлопнул в ладоши: — Млад, неси нам всем обед.

Холоп выскочил из-за двери, поклонился и убежал прочь выполнять приказ.

— Уже обед? — сонно спросил Вячко, протирая глаза. — Это сколько же я проспал?

— Достаточно, чтобы мы узнали больше о нашем рдзенском госте.

— Что с ним?

— Давай отобедаем сначала.

Со стола убрали остывшую кашу, вместо неё принесли горячих щей, свежего хлеба и пирогов, жареных перепелов и разных солений. Вячко тут же позабыл и про фарадалов, и про рдзенца. Ел он за обе щеки. В дозоре редко удавалось приготовить горячий обед, а иногда и вовсе целый день приходилось ходить с пустым животом.

Разговаривать во время еды отец не любил, Вячко и Горыня знали об этом и молчали, пока Млад не убрал все блюда со стола. Тогда Великий князь вернулся к делам:

— Как оказалось, этот рдзенец не простой человек. Хозяин постоялого двора в посаде пожаловался страже, что гости его пропали, не заплатив. Рдзенец так торопился, что забыл свои вещи, среди них нашлась именная грамота на пересечение границы. Звать его Милош, и он числится учеником при целителе короля Властимира.

Вячко помрачнел:

— Значит...

— Не всех чародеев Совиной башни успел потравить Часлав Прихвостень, — в задумчивости отец прокрутил перстень на пальце. — Видимо, его сын втайне от Лойтурии держит при себе чародеев и одного из них отправил в Ратиславию. Как думаешь, куда именно?

Ответ пришёл сразу:

— В Великий лес.

Никто не входил туда с тех пор, как погибла княгиня Злата. Никто, кроме неё, не смел встретиться с Хозяином леса.

— И где теперь этот рдзенец?

— Сбежал из города, скорее всего, — уверенно сказал Горыня. — Я велю искать его в столице, но уверен, что он уже на восточном тракте.

— Думаешь, он замышляет недоброе?

— Были ли времена, когда рдзенцы замышляли добро? — невесело произнёс отец. — Боюсь, Вячко, не просто так король Властимир вновь собирает вокруг себя чародеев. Этот Милош скорее всего ищет силы Златы. Мне уже не первый месяц доносят, что король Властимир готовится к войне, а против кого она будет — не сложная загадка.

— Неужели лойтурцы не знают про чародеев? — усомнился Горыня.

— Лойтурцы уже не раз использовали их ради их же истребления. Не удивлюсь, если они закрыли глаза на всё, чтобы добраться до нас. А может, Властимир решил избавиться от Охотников? Кто знает? Ясно только, что нельзя допустить новой войны.

От одного-единственного слова повеяло холодом. Вячко родился в год, когда Ратиславия и Рдзения заключили мир, но впитал горечь потери с материнским молоком, с песнями няньки.

Мстислав склонил в задумчивости голову. Его длинные кудрявые волосы, когда-то рыжие, как у младшего сына, были полны седины.

— Я не могу просить о том никого, кроме моих сыновей, Вячко. Простого человека леший не пропустит, но внука Златы может, — отец выглядел виноватым. — Ярополк и Мечислав далеко, и кроме тебя пойти некому. Твоя бабка завещала не пускать никого к её избушке в Великом лесу, значит, так надо. Там хранятся тайны, которые могут навредить всем нам, и лучше им оставаться никем не найденными.

Вячко послушно кивнул. Он не хотел так быстро уезжать из дома, он нуждался в отдыхе и в Добраве. Но это не имело значения. Мстислав мог казаться мягким и спокойным, но его просьбы стоило понимать как приказы, а спорить с ним было бесполезно.

«К тому же, если я приведу отцу рдзенца, он может передумать по поводу Добравы».

Пока даже заговаривать с отцом о ней не стоило, и Вячко вместо этого спросил:

— Есть ли новости от братьев?

Мстислав похлопал его по плечу и поднялся.

— Сегодня гонец принёс вести от Мечислава, — сказал он. — Но об этом мы поговорим, когда ты вернёшься с рдзенцем. Ничто не должно отвлекать тебя от цели.

Ратиславия, Златоборское княжество

Ловко вспрыгнула Дара на камни, взобралась повыше и встала босыми ногами на лопасти мельничного колеса, задавая его ход. Вода полилась в карманы, потянула колесо вниз, и оно заработало с тихим скрипом. Задышала вся мельница. Позеленевшие от воды и времени лопасти скользили под ногами, но Дара легко держала равновесие.

Из-под колеса с гневным бульканьем выплыл водяной. Он сердито взглянул на девушку, а она лишь весело усмехнулась и показала ему язык.

— Я тебе говорила там не спать.

Водяной возмущённо промолчал и пропал, ныряя глубже.

— Дарка, чего возишься? Давай сюда скорее! — прикрикнул отец.

Девушка откинула тёмные косы за плечи, пробежалась по краешку потока, прыгнула на землю и подлетела стрелой к дверям. Молчан к тому времени уже затащил внутрь мельницы все мешки и привязал первый из них к верёвке.

— Иди навстречу, — велел он.

Дара проворно взлетела по лесенке под самую крышу.

Ей несложно было поднять тяжёлый мешок на самый верх и высыпать зерно в жёлоб. Она привыкла к труду, с тех пор как дед повредил ногу. Да и лучше было поработать на мельнице, чем остаться готовить поминальный обед вместе с махочой. Ждана с утра была не в духе.

За две лучины они с отцом управились со всеми мешками. Молчан хмуро оглядел дочь, завязывая мешки с мукой.

— Богдан вас подвезёт до Мирной. Продашь там остатки ржи, ясно? А пока идите искупайтесь с Вёской. Как раз успеете себя в порядок привести, когда всё зерно перемелется.

Такой удачи она и не ждала. Мыслями Дара уже была на берегу реки, но всё же заставила себя спросить:

— Разве нам не стоит остаться к обеду? Поминки всё-таки...

— Иди, — хмуро велел отец. — Ждане без тебя лучше будет.

Глупо было медлить и переспрашивать, Молчан мог и передумать. Дара нырнула кошкой к лестнице, слетела по ступенькам вниз. Когда оставалось до пола ступенек пять, она оттолкнулась и прыгнула, приземлилась с чудовищным грохотом. Сердце ухнуло в пятки. Отец перевесился через перила:

— Ноги переломаешь!

Но Дара уже выбежала на улицу и понеслась к дому. На завалинке сидел Старый Барсук. Хитро засверкали его глаза, когда он заметил внучку.

— Это ты к Богдану, что ль, так спешишь? — лукаво спросил он.

— Ещё чего, — хмыкнула Дара. Она остановилась, нарочно присела рядом с Барсуком. — Не заслужил он, чтоб я так к нему бегала.

— Эх, коза, — протянул ворчливо дед, а у самого улыбка не сходила с губ. — Так и проскачешь всю жизнь одна-одинёшенька.

— Невелика беда, — она чмокнула его в сухую колючую щёку. — Не оставлю же я тебя одного. — Дара прильнула к плечу старика, он был рад её ласке. — Что Вёся делает? Отец раз-

решил нам в Мирную пойти на ярмарку, только к речке сбегает, искупаемся.

— Они с матерью обед готовят. Не отпустит, наверное. Гости придут, угощать чем-то надобно.

— Если отец разрешил, Ждана спорить не будет.

Дара чуть скривилась, поправляя рубаху. Дед покосился на неё.

— К слову, Дарка, я всё видел, — произнёс он с неодобрением. — Сколько раз просил, чтобы ты не разговаривала с водяным?

Она выпрямилась невольно, готовая сорваться с места.

— Ты и сам говоришь с ним, когда по весне мельницу запускаешь. И перед рыбалкой дары ему приносишь.

— Дара, он мне никогда не отвечает.

Голос его переменялся, дед больше не шутил.

— Ты знаешь, что тебе нельзя...

Слова вырвались со злостью:

— Я не смогу, даже если очень захочу.

— Это для твоего же блага...

Она понимала, только глаза застилала старая обида, она была как корка на заживающей ране, которую Дара постоянно расчёсывала до самой крови.

Не желая наговорить Барсуку ещё больше гадких слов, она поднялась и поскорее ушла в дом.

Было душно, хотя и распахнули нараспашку двери и ставни. Богдан, который ещё рано утром привёз зерно на помол, сидел за столом, пил квас. Он не поднялся и не сказал Даре ни слова, но посмотрел так пронзительно, что все его мысли можно было прочитать по глазам. Дара отвела взгляд.

— Что ты так быстро? — удивилась Ждана.

Мачеха стояла у печи, круглое лицо её покраснелось от жара. Блины шипели так призывно, что Даре сразу захотелось есть. Веся прибиралась в доме, готовила всё к приходу гостей. Она то и дело поглядывала то на Богдана, то на старшую сестру, но молчала. Только кончик её веснушчатого носа шевелился от любопытства.

— Отец сказал, что мы с Весняной можем идти сегодня в Мирную, а сейчас на речку. Богдан, — холодно позвала Дара. — Ты не подвезёшь нас с Весей до Мирной?

— С удовольствием, — парень не сдержал улыбки.

Ждана была недовольна. Щи к обеду отстаивались уже пару дней, блины она могла напечь сама, но нехорошо было единственной родной дочери уходить с поминок.

— Сказал он, — буркнула мачеха. — А помогать мне кто будет?

Весья, с надеждой посматривая на сестру, продолжила наводить порядок, хотя и так всё вокруг блестело чистотой. Мачеха сердито загремела посудой.

Воздух в избе раскалился, и даже домовый чуть слышно запыхтел в углу, задыхаясь от жара. Из открытого окна было слышно, как скрипело мельничное колесо.

Все притихли, ожидая решения Жданы. Наконец она вздохнула недовольно и махнула рукой:

— Идите.

Сёстры не стали медлить, мигом выскочили из дома, как будто вся лесная нечисть гналась за ними, пролетели по двору и выбежали на дорогу к полям.

Они купались всегда выше по реке, почти у самого Великого леса, где на солнечном берегу хорошо было развалиться на сочной зелёной травке, а в неглубоких водах Звени мельтешили рыбки. От мельницы идти было недалеко, стоило только минут небольшую рощу, и с высокого холма открывался обзор на извилистую речушку, далёкие поля гречихи, а ещё дальше зелёные засева пшеницы. Каждый раз, когда Дара взбиралась на этот холм, думалось ей отчего-то, что именно на этом месте из Великого леса вышли рука об руку князь Ярополк Змееборец и его будущая жена ведьма Злата. Но на этот раз задерживаться на холме времени не было.

Они не останавливались и молчали, пока не добрались до самой реки, только широко улыбались и тяжело дышали от бега. Трава колола голые ноги, залезала под юбки, и потому ещё быстрее, ещё выше подскакивали девушки.

Редко кто бывал в их заветном местечке у реки. Деревенские ходили в лес другой дорогой и купались ближе к старой запруде у сгоревшей мельницы. Поэтому без стыда и страха девушки скинули свои одежды. Дара тут же с визгом и фырканием влетела в воду, не раздумывая, нырнула с головой. Весья заколола медовую косу повыше и медленно, с наслаждением вошла в реку.

— Дарка, — сказала она, когда сестра вынырнула рядом, отплёвываясь. — Теперь ведь не обсохнешь.

— Успею, — и она ударила ладонью по воде, окатив сестру волной брызг.

— Дара! — возмущённо воскликнула Веся, но та только громко захохотала.

Дара оттолкнулась ото дна и поплыла, чувствуя, как касаются её ног водоросли и стебли кувшинок, как оплетают, норовя утянуть, но она сбрасывала их и плыла дальше. Как же хорошо было, как блаженно. Наверное, такого счастья не знали даже на Благословенных островах.

Она слушала сладкий плеск воды и представляла себе дальние дивные земли Империи, когда заметила вдруг, как блестящие два жабьих глаза среди камышей, как жадно наблюдали они за Весей, выбравшейся уже на берег и подставившей солнцу своё стройное тело.

В груди у Дары зарычалось что-то, заскребло острыми когтями. Она отплыла чуть в сторону и вытащила небольшую почерневшую корягу, застрявшую в траве у берега. Пригляделась, убедилась, что водяной не смотрит на неё, прицелилась и бросила.

Водяной со злобным вскриком ушёл под воду, и Дара прыснула от смеха. Дух слишком любил подглядывать за девками, и хорошо ещё, если держался в стороне.

— Ты чего кидаешься? — удивилась Веся.

— Показалось, что уж в воде, — Дара выбралась на берег и откинула косы за спину. Вода стекала с её тела на землю.

— Вот и не трогай его. Что он тебе сделает? — лениво протянула сестра. — Ай, не ложись рядом, ты вся мокрая.

Дара присела в стороне на траве, откинула голову назад, щурясь на солнце. На иве у воды она заметила первые жёлтые листья. Лето только началось, а осень уже грозила им увяданием и скорыми морозами.

Следующей весной должен был прийти срок для Весняны, когда к юной девушке приходят сваты.

— Неужели это всё когда-нибудь закончится? — проговорила тихо Дара.

— Что? Лето?

— Нет, — она прикусила губу, но всё-таки произнесла слова, которые долго боялась сказать сестре: — Вот выйдешь ты замуж, и останусь я здесь совсем одна.

— Так ты тоже замуж выйдешь.

Дара усмехнулась:

— С моим-то нравом кто такую жену захочет?

— Богдан, например, — Веся перевернулась на живот, положила голову на руки и прикрыла глаза. Веснушчатый нос чуть морщился.

— Родители ему не позволят. Я ведьма.

— Ты не ведьма, — возмутилась Веся. — Ты же ничего не можешь.

— Но все знают, что моя мать ведьма, а это то же самое, — упрямо возразила Дара. — Да и не в этом дело. Нет ничего хорошего для меня в такой жизни. Ты — другое дело. Ты добрая, смиренная, как раз для семьи и созданная. А я...

Веся приподнялась, прислушиваясь к сестре и пытаясь заглянуть ей в глаза.

— О чём ты?

— Ты сама понимаешь. — Они долго смотрели друг на друга и без слов разговаривали.

Существовало что-то, что было не объяснить словами. Веся погрустнела, кивнула так же молча, согласилась с тем, чего Дара не сказала.

— Я раньше всё мать свою ждала, — призналась Дара. Никогда прежде она этого вслух не произносила, хотя столько всего они с Весей друг другу сказали, о чём только не шептались порой до поздней ночи, лёжа рядышком. — Но теперь мне ясно, что никогда я её не увижу.

— Ты не думай, она тебя не бросила. Случилось, наверное, что. Охотники тогда повсюду были...

— Наверное, — Дара сама в это не очень верила.

Дома редко говорили о её матери. Один только Старый Барсук рассказал по секрету, что однажды чародейка принесла из Великого леса на мельницу младенца, дочь Молчана, и ушла в тот же день, сказав только, что нарекла девочку Дариной и та унаследовала ведьмовскую силу своей матери.

— Понимаешь, когда я ребёнком ещё была, — продолжила Дара, — то всё представляла, что вернётся за мной мать, заберёт с собой и стану я чародейкой. Ты только представь, никто бы мне был не указ. А жизнь — сплошные приключения, как в сказках, что дед сказывает.

— Если бы ты была чародейкой и отправилась за приключениями, то мы бы точно с тобой никогда больше не увиделись, — сказала Веся. — А ещё Охотники попытались бы тебя сжечь на костре. Я слышала от брата Лаврентия, что в Рдзении до сих пор преследуют ведьм. На мельнице тебе безопаснее всего.

Дара посмотрела на сестру, лицо её смягчилось.

— Ты права. Поэтому я больше и не мечтаю об этом. Теперь мне страшно даже подумать, что наша жизнь может измениться. Эх, Весяка, может, ты тоже никогда не выйдешь замуж? Будем жить двумя старыми девами, мельницей управлять, в речке купаться...

— Не сможем мы в старости работать на мельнице, — серьёзно сказала Веся, подползла по траве поближе и слегка прижалась затылком к плечу сестры. — Дед теперь только корову пасти может, ни на что другое сил не хватает. Поэтому в семье мужчина нужен, наследник. Но ты не думай, я тебя не брошу. Если замуж не выйдешь, будешь помогать мне деток воспитывать.

— Ох, я их воспитаю, — прошептала Дара с шутливой угрозой.

Она откинула голову назад, прикрыла глаза. Мир вокруг дышал блаженно, мирно. Трава щекотала голую кожу, холодные капли стекали по шее к груди, солнце целовало обнажённое тело жарко и страстно. Шелестела листва над головой, и шептала вода в реке. Ласковый ветер подул на впалый живот, пробежал по ногам и устремился дальше.

Клонило в сон. Дара была бы не прочь задремать. При свете дня ей никогда не снились страшные сны. Они преследовали её только по ночам, когда Навь становилась ближе к людскому миру.

Сверху блеснуло ярко золотом.

Дара распахнула глаза и резко присела, опираясь на локти. Она знала этот свет, видела его раньше, но только у духов и деревенского колдуна.

— Что? — сонно спросила Весняна.

Над соседним берегом низко кружил сокол, но больше вокруг никого не было. Ни души.

— Ничего, — помотала головой Дара. — Почудилось.

Она хотела в это верить.

ГЛАВА 2

Как шумит колючий ельник,
Плачет в ельнике сова,
Как зерно стонувший мельник
Подсыпает в жернова!..

Сергей Клычков

Ратиславия, Златоборское княжество

До Мирной добрались уже к обеду, когда солнце пекло невыносимо жарко, а Дара от зноя стала злой и ворчливой. Пока Веся благодарила Богдана за помощь и приглашала быть к вечеру в Заречье, Дара потащила мешок к торговым рядам. Она отошла уже почти на саженей тридцать, когда не выдержала, бросила мешок на землю и вернулась за сестрой. Богдан молча и мрачно наблюдал, как Дара всучила второй мешок Весе и повела её к площади.

- Дара, нельзя так, – с укором сказала Веся.
- Что нельзя? С ужажёрами родной сестры заигрывать?
- Так он же тебе не нравится.
- И тебе тоже.
- Но с человеком нужно по-доброму, он нам помог.

Дара хмыкнула, отпустила руку Веси и подняла свой мешок с земли. Она сама не понимала, за что рассердилась на Богдана, но часто вела себя так грубо и чёрство с ним. Хуже всего было, что Богдан всё сносил молча, только в светлых глазах читалась обида. Его смирение ещё больше подстёгивало говорить колкости.

Может, не зря все в округе считали Дару ведьмой? Ведь одно дело кровь, а другое душа. Её душа была тёмная, глубокая, что вода под мельничным колесом. Не зря её любили духи и бесы.

Покупателей на ярмарке осталось немного, всех разогнал полуденный зной. Веся помогла Даре донести мешок в хлебный ряд и отправилась искать иглы и нити для шитья, которые наказала купить Ждана.

Дара выставила перед собой мешки, один развязала, чтобы показать товар. Зазывать покупателей было лень. Солнце палило яростно, даже влажные после купания косы почти высохли.

– Свежий хлеб! — доносилось со всех сторон.

– Рожь! Дешевле не найдёшь! Рожь!

Скоро ярмарка стала Даре не в радость. Было жарко и душно, люди кричали, ругались, спорили, и от их криков разболелась голова. Время от времени Дара тоже пыталась звать покупателей, но делала это неохотно и тихо.

В хлебный ряд зашла лоточница с лентами. Она заметила, как Дара вытягивала шею, пытаясь разглядеть её товар, и подошла ближе.

– Шёлк из самой Империи, — похвасталась торговка. — Нигде, кроме Айоса, не делают такой.

В глаза сразу бросилась зелёная лента для волос, и Дара от обиды скривила рот. Товар, привезённый из Империи, стоил в три раза дороже, чем любой другой, но девушка не смогла оторвать глаз от лотка. Протянула руку, погладила шёлк, пропустила между пальцами. Лента бы подошла к её понёве, та была зелёной, как хвойный лес хмурым утром.

– Как тебе подходит, прям к наряду, — заметила торговка.

– Да, красивая. Но, верно, дорогая?

– Так красота для молодой девки дороже.

– Давай я подарю тебе эту ленту, душа моя, — вдруг прошептал мужской голос у самого уха.

Дара обернулась и чуть не отскочила в сторону.

Перед ней стоял высокий юноша. Светлые волосы свисали на лоб, в ухе болталась — вот диво! — изумрудная серьга, а красивые, слишком пухлые для мужчины губы изогнулись в улыбке. Он был одет как никто другой на ярмарке: в кожаные сапоги и яркий зелёный плащ. Дара смутилась и едва смогла ответить:

– Не нужно.

– Отчего нет? Мне не жалко для тебя, — его голос был приятный, нежный и шептал по-особому мягко. Никто так не говорил у них в деревне.

– Мне не нужны подарки от незнакомцев, — Дара невольно попятилась. Он стоял слишком близко.

– Так мы познакомимся, — прошептал юноша ещё нежнее. — Я Милош. А тебя как звать, душа моя?

Дара скривила губы. Она наконец распознала этот говор: так по-змеиному шептали всегда рдзенцы. И вышивка на его одежде тоже была нездешней, чужой.

Торговка чуть не перевернула лоток, подслушивая их разговор.

— Как родители нарекли, так и звать, да не твоего это ума дело, — Дара бросила небрежно ленту и попятилась от торговки и рдзенца.

Ещё не хватало, чтобы местные увидели её рядом с ним! Ратиславцы не забыли обиду, нанесённую соседями. Помнили они и все войны, и коварное убийство князя с княгиней. Может, в лицо рдзенцам не плевали при встрече, но ненависть к ним не утихла.

Дара вернулась к своим мешкам, села на один из них, другой выдвинула перед собой, чтобы никто не подошёл близко.

Но Милош не отставал:

— Какая ты сердитая. Со всеми такая недружелюбная или я чем не угодил?

— Со всеми, кто ведёт себя бесстыдно и ерунду всякую мелет.

Дара пыталась отыскать взглядом сестру, но нигде её не видела. А рдзенец всё не сдавался:

— Для деревенской девки ты слишком заносчива.

— Для рдзенского пса ты предсказуемо брехлив.

Торговка лентами втиснулась между Милошем и мешком:

— Так что, купишь для девицы подарок? Она сразу ласковее с тобой станет. Шёлк с самого Айоса.

— Я скорее удавлюсь, — процедила Дара, но этого никто не услышал.

С досадой, как на муху, рдзенец посмотрел на торговку и неохотно перевёл взгляд на лоток. Взглянул мельком и выгнул левую бровь, усмехаясь.

— Это, по-твоему, имперский шёлк? — Он брезгливо кончиками пальцев поднял ленту.

Губы женщины дрогнули от обиды:

— А как же?

Милош закатил глаза и распахнул полы плаща, чуть одёргивая рубаху.

— Вот это имперский шёлк, а то, что ты за него выдаёшь, — дешёвка для кметов.

— Ах ты псына рдзенская! — взвизгнула торговка. — Сейчас как позову старосту, он с тобой разберётся. Ишь, на честных людей напраслину возводить.

— Как бы тебя, курва, саму в поруб не посадили за то, что людей дуришь, — зашипел совсем по-змеиному Милош. — Врать хотя бы научись. Шёлк на Айосе никогда не делали, его везут с Ауфовоса.

Весь хлебный ряд притих, наблюдая за ними. Дара едва сдержалась, чтобы не засмеяться в голос.

Со злостью торговка плюнула Милошу под ноги, толкнула лотком в грудь и развернулась.

Торговый ряд взорвался от смеха. Кто-то пристыдил торговку, другие пригрозили рдзенцу. Никто не промолчал. Женщина с лентами перехватила покрепче лоток и пошла скорее прочь. Милош остался стоять с невозмутимым видом. Постепенно шум затих, и каждый занялся своим делом.

Рдзенец отряхнул плащ, поправил рукава и снова вспомнил про Дару.

— Так что, поговорим? — спросил он на этот раз без притворной улыбки. Напротив, губы его были поджаты, как у капризного ребёнка.

— Не о чем мне с тобой говорить, — пожалала плечами Дара. Она бы ушла, только зерно до сих пор не было продано.

Милош перешагнул через мешок и схватил Дару за локоть, заставил привстать. В хлебном ряду вдруг все замолчали. Дара уставилась в глаза Милошу. Они у него были большие, как блюдца, зелёные, точно трава весной, затягивали вглубь ниже, дальше. Изумрудная серьга болталась в ухе, сверкая на солнце. Всё вокруг рдзенца рябило, мелькало, искрило. Дара заморгала, голова её закружилась.

Она вырвала руку и попятилась.

— Ещё раз меня тронешь...

— И ничего ты мне не сделаешь, — вдруг мрачно сказал Милош, и ни следа нежности не осталось в голосе. — Хватит прикидываться. Я знаю, кто ты такая.

Дара с удивлением взглянула на него и неожиданно, присмотревшись, увидела всё яснее ясного. В груди Милоша бился огонь. Яркий, тёплый, манящий.

— Ты...

— Да, такой же, как ты, — негромко проговорил он.

Дара оглянулась в ужасе по сторонам, испугавшись, что их могли услышать. Все вокруг поглядывали с любопытством.

— Неправда, я не ведьма.

— Тогда как ты догадалась, что я чародей? — Между бровями рдзенца залегла морщина.

— У нас в Заречье все такое замечают, — как можно беспечнее ответила Дара.

— Но не все умеют видеть водяных духов, — возразил Милош и в ответ на её испуганный взгляд добавил: — Я наблюдал за тобой у реки.

Она забыла, как дышать.

— Что тебе нужно?

Милош задумчиво оглядел её с головы до ног.

— Я ищу хату лесной ведьмы, — негромко сказал он. — Ты мне поможешь?

— Нет. Я не знаю, где она.

— Но ты же ведьма, тем более местная. Леший должен знать тебя. Если ты попросишь его провести нас...

— Я не занимаюсь ведьмовством, — сердито перебила Дара. — И тебе не советую. Это запрещено, а у вас в Рдзении так и подавно. Так что даже не заговаривай со мной больше. Иди куда шёл и меня в свои дела не впутывай.

— Я заплачу...

— Мне ничего от тебя не нужно.

Милош не уходил, и Дара разочарованно вздохнула. После всего случившегося точно никто не захотел бы купить у неё зерно. Она присела, завязала мешок, перекинула его через плечо, а другой поволокла по земле. Рдзенец шагнул в сторону, пропуская её.

— Ещё поговорим...

Дара притворилась, что не услышала ни его, ни смешки, доносившиеся со всех сторон. Никогда она так сильно не желала, чтобы рядом оказался Богдан или хотя бы сестра.

«Где её носит?»

Пот стекал по лицу, пока Дара тащила мешки с площади. Она не разбирала дороги, пробираясь через толпу, распихивала людей локтями, сама получала толчки. Кто-то обругал её громко вслед, но девушка даже не обернулась. И когда уже увидела мост у реки, она вдруг врезалась кому-то прямо в грудь.

Это был Тавруй. Он придержал её за локоть, уставившись не мигая, точно филин, своими чёрными глазами. Старое клеймо на лбу горело так ярко, будто его поставили меньше

лучины назад. От страха и отвращения скрутило живот. Дара вырвала руку:

– Не трогай.

Сердце в груди билось, жгло, прямо там, где нарисовал узор Тавруй. Там, где он запер её силу.

Тавруй промолчал, отступил в сторону, уступая дорогу. Если бы Дара могла, она бы побежала. Но мешки мешали ей, как камень на шее утопленника. В отчаянии она доволокла их до стены храма и села в тени прямо на мешок. Руки дрожали от усталости и ужаса, а глаза наполнились слезами. Дара заморгала, больше всего на свете испугавшись, что она расплечется при всех.

Чародей знал, что она ведьма. Он видел её. Что, если он кому-то расскажет?

Все на площади поняли, кем был Милош. Так уж вышло, что на берегу реки Звени, которая брала начало в Великом лесу, жили люди прозорливые, догадливые и склонные к ворожбе. Гадания всегда сбывались у девок из Заречья, а любая старуха в Мирной могла нашептать хворому на ухо заговор, и тот выздоравливал на следующее утро. Для таких дел не нужно было родиться ведьмой, но и ведьму жители Заречья всегда легко определяли.

Одно случайное слово, и донесётся весть до чужих ушей. Всю жизнь Дара жила в страхе, что её найдут Охотники и сожгут за колдовство. В Заречье чтили чародеев, а уж дочку мельника и подавно не трогали, но что, если случайно прознают о её силе заезжие торговцы?

– Да озарит Создатель твой путь, Дарина, – раздался знакомый голос. Так чудно тянул звуки только один человек в деревне.

Пыля длинными чёрными полами одежды, к храму подошёл Брат Лаврентий. На груди его раскачивался круглый золотой сол.

Дара неохотно поднялась и поклонилась Пресветлому Брату, как тому учили с детства.

– Да не опалит он тебя, – она ждала, что Лаврентий заговорит с ней нравоучительно, устыдит, что её семья давно не была в храме, но она ошиблась.

– Что говорил с тебя рдзенец? – поинтересовался Лаврентий, от волнения он совсем, кажется, позабыл ратиславский язык.